

**ЕФРЕМОВА И. В., кандидат искусствоведения, доцент, докторант
Белорусского государственного университета культуры и искусств**

Особенности онтологии бальной практики на белорусских землях

В статье освещаются особенности рецепции бальной практики на белорусских землях. На основе целостного охвата онтологии бала на территории современной Беларуси последовательно описываются ее основные этапы, начиная с конца XIV в. и заканчивая Новейшим временем.

The article is devoted to identifying the features of the reception of ballroom practice in the Belarusian lands. On the basis of the holistic coverage of the ontology of the ball on the territory of modern Belarus, its main stages are consistently covered, starting from the end of the XIV century and ending with Modern times.

Введение. Важнейшей тенденцией Новейшего времени в театральной сфере является стремление к стиранию грани между сценическим и несценическим пространством, между актером и зрителем, художественным вымыслом и реальной действительностью. Поэтому в числе наиболее востребованных и популярных современным социумом художественно-игровых практик являются квазитеатральные формы, в которых актер становится полноправным участником предлагаемого действия, создающего эффект «альтернативной» реальности (Э. Фишер-Лихте). Среди них выделяется бал, на котором гостям позволено «примерить» на себя иную повседневную роль Другого, получив при этом новый чувственно-эмоциональный опыт. Во многом благодаря возможности совмещения реального и имагинативного уровней действительности бальный феномен не утрачивает своей актуальности на протяжении вот уже почти 800 лет.

В белорусском научном знании в целом проблематика данного феномена освещена недостаточно. В различной степени вопросы бальной практики и ее функционирования на белорусских землях затрагиваются в исследованиях О. Попко, А. Павловской, А. Мальдиса, О. Дадимовой, Д. Сосновского, Л. Ко-

стюковец, С. Немогай, И. Углика и др. Следует отметить также работы Ю. Бохана, А. Ходьки, А. Скепьян, Д. Ракова, А. Федотова, С. Шидловского, И. Бодуновой и др.

Цель статьи – выявить характерные особенности бальной практики на белорусских землях.

Основная часть. Начало рецепции бальной культуры на белорусских землях связано с Великим княжеством Литовским (ВКЛ). К этому времени бальная практика в Западной Европе развивалась в контексте рыцарской культуры. Как верно отмечает И. Бодунова, в среде литовских магнатов происходил «... процесс аккультурации европейского культурного пространства. В частности, происходило приобщение к европейской рыцарской культуре, ... принятие рыцарского этического кодекса» [1]. Данный процесс заимствовал европейские практики устройства рыцарских турниров с характерной для них празднично-репрезентативной пиршественно-танцевальной заключительной частью.

Согласно мнению белорусских ученых Ю. Бохана и А. Ходьки, начало рецепции традиции рыцарских турниров на белорусских землях относится к концу XIV в. Так, Ю. Бохан конкретизирует данное время, указывая в качестве конкретной даты

1385 г. – год подписания Кревской унии, обусловившей начало процесса влияния рыцарской культуры Польши на культуру знати ВКЛ [2]; А. Ходыка апеллирует к 20 февраля 1387 г. – «...дню подписания Ягайло грамоты, где впервые говорится про “рыцарей и бояр”» [3].

Аналогично передовым странам Западной Европы, рыцарские турниры на территории ВКЛ получили распространение в резиденциях монархов, а с конца XV в. – при дворах крупнейших магнатов. Завоевав популярность среди аристократии ВКЛ, на протяжении XV в. состязания рыцарей в литовском государстве переживают пору своего расцвета, приходящуюся на правление династии Ягеллонов. Об этом свидетельствуют, в частности, хроники знаменитого историка первой половины XV в. Яна Длугоша, из которых известно, что великолепные празднества с балами проходили на протяжении двух месяцев (март, апрель) 1422 г. в Лидском замке в честь бракосочетания польского короля Владислава II Ягайло с его последней супругой Софьей Гольшанской; не менее роскошные балы были устроены Владиславом II Ягайло по случаю коронации Софьи Гольшанской 5 марта 1424 г. в Кракове; по поводу рождения в 1426 г. Казимира IV Ягеллона [4], а также его коронации в 1447 г. [5]; в честь рождения внучки Ягайло Софии в 1464 г. [6] и др. Танцы проходили под аккомпанемент придворной капеллы монарха. О самих же танцевальных композициях конкретных сведений нет. Согласно мнению исследователей, музыкальные формы произведений, которые исполнялись при дворе Ягайло, целиком соответствуют формам итальянской музыки того времени. Это позволяет предположить, что исполняемые на придворных балах танцы также соответствовали европейским образцам, а значит они могли быть представлены популярными средневековыми композициями – каролем, бранлем, мореской, эстампидой и др.

Большую роль в развитии бальной культуры сыграл великий князь литов-

ский и король польский Казимир IV Ягеллон, сын Ягайло, который на законодательном уровне в 1457 г. («земский привилей Казимира») предоставил литовской шляхте большие права, связанные с ее свободным перемещением по территории Европы в целях знакомства с европейской культурой.

Таким образом, период с конца XIV до конца XV вв., связанный с активным развитием рыцарской культуры, а в ее лоне формирования придворного танца, знаменует собой начало онтологии бала на белорусских землях.

В XVI в. ВКЛ вступило в пору Ренессанса. В связи с необходимостью обязательного владения нормами придворного этикета аристократия княжества знакомится с печатными изданиями соответствующих руководств итальянца Бальдассаре Кастильоне («Придворный» / «Il Cortegiano», 1528) и поляка Лукаша Гурницкого («Дворянин польский» / «Dworzanin polski», 1566). Традиционные придворные бальные торжества предполагали большую формальность и буквальное следование этикетным нормам. Празднование помолвки и бракосочетания при монарших и магнатских дворах сопровождалось балами-маскарадами – мероприятиями менее формальными и более свободными в плане поведенческой культуры.

Танцы, исполнявшиеся в рамках традиционных балов при монаршем и магнатских дворах, вероятно, мало чем отличались от композиций балов маскарадных. Разница заключалась в том, что основу танцевального «меню» традиционных придворных королевских бальных мероприятий составляли исключительно западные танцы, которые «полностью были переняты из европейских стран и классифицировались обычно по основным элементам – прыжковые (скачковые) или круговые», а состав танцевальных композиций традиционных магнатских балов мог дополняться этническими композициями народностей, населявших ВКЛ (белорусы, поляки, литовцы, евреи и др.).

В числе таких танцев -- фаворит, скочный, танец хайдуков, «мышы», «гусы», поморский, хлопский, горотинский. Некоторые из них (в частности, «мышы», «гусы», скочный, поморский и хлопский) упоминаются польским композитором, поэтом и писателем XVI в. Киприаном Базыликом в 1570 г. Образцы популярных танцевальных композиций ренессансной эпохи, распространенных на территории ВКЛ, содержатся в нотных сборниках середины – второй половины XVI в.: Лионской и Краковской табулатурах (1553 и 1565 гг.) Валентина Бакфарка, а также в польских органичных табулатурах (в частности, польского композитора и органиста первой половины XVI в. Яна Люблинского, или – иначе – Яна из Люблина).

Период образования Речи Посполитой (1569 г.) в сфере бальной культуры ознаменован появлением первых публичных редутов – маскарадных балов, участие в которых предполагало обязательную плату за праздничную трапезу. Как отмечает А. Скепьян, итальянец по имени Сальватор был «первым организатором публичных редутов в Речи Посполитой, происходивших в Варшаве» [8]. Эти маскированные балы с их разнообразной программой в виде танцев, игр в карты и импровизированных забав стали настолько популярны среди представителей разных слоев общества, что «на некоторых из них присутствовало до тысячи особ» [8]. Большой популярностью пользовались редуты, организуемые в рамках ярмарки – праздничных ярмарок, проводимых в осенне-весенний период во всех белорусских городах и являвших собой место коммуникации людей разных сословий. В танцевальную программу редутов, кроме модных итальянских композиций, входили не менее популярные местные танцы игрового характера.

На рубеже XVI–XVII в. в Речи Посполитой на смену идеям Ренессанса приходит барочное мировоззрение. В первой половине XVII столетия, несмотря на утверждение Франции в качестве культурного центра Европы, влияние итальянской

традиции на культуру белорусской шляхты оставалось еще довольно значительным. Так, при дворе Сигизмунда III Вазы (а затем и его сына Владислава IV Вазы) на протяжении почти полувека работу музыкальной капеллы возглавляли итальянские композиторы и капельмейстеры Асприлио Пачелли (с 1602 по 1623 гг.), Феличе Анерио (с 1623 по 1628 гг.), Марко Скакки (с 1628 по 1648 гг.), а также на службе у монарха находились известные итальянские композиторы Дж. Ц. Габусси и Диамед Като. Однако уже во второй половине XVII в. при дворе Яна II Казимира (1648–1668), Михаила Вишневецкого (1669–1673) и Яна III Собеского (1674–1696) заметно возрастает роль польских музыкантов. В данный период наблюдается процесс активизации сарматской идеологии (ее формирование в среде польской шляхты началось еще в последней трети XVI в.), постепенно проникавшей в среду белорусской шляхты. Данный факт оказал значительное влияние на специфику бальной культуры Речи Посполитой, проявившуюся на разных уровнях – визуальном (своеобразие шляхетских нарядов), этикетном (особенности поведения местной знати), танцевально-этническом (наличие в танцевальной программе, наряду с модными западноевропейскими композициями, их белорусских аналогов). Как отмечает Д. Сосновский, «Часто танцы иностранного происхождения в Речи Посполитой исполнялись с переработкой и подобием к местным танцам, и наоборот – ... под иностранные ритмы и музыку» [9].

Процесс развития бальной практики в Речи Посполитой в XVII в. не был повсеместным. Он продолжал носить локальный характер с очагами распространения балов в виде двора короля и магнатов (изредка – богатой шляхты). Продолжая развиваться в контекстном поле западноевропейской бальной культуры, бальная практика Речи Посполитой отличалась ярким своеобразием, связанным с включением в танцевальную программу оригинальных народных образцов. Их

исполнение придавало балльным мероприятиям белорусской знати черты яркой национальной самобытности. Балы при королевском дворе полностью соответствовали европейским аналогам.

В мемуарах государственного и военного деятеля ВКЛ, минского воеводы и писателя-мемуариста Кшиштофа Завиши (1660–1721) содержится информация о танцах, исполняемых в рамках увеселительных (в том числе балльных) мероприятий. В частности, К. Завиша сообщает, что в репертуаре находившейся в его распоряжении музыкальной капеллы («хорошая минская музыка с цимбалами»), помимо популярных западноевропейских (во времена барокко премьером на балах, в том числе и в Речи Посполитой, стала куранта), были белорусские «старосветские» танцы: «Альбо мене баршчу дайце» («Или мне борща дайте»), также: «Чэрнец чэрніцу завев у півніцу» («Чернец черницу завел в курятник»), также: «Анусю, сэрэдзько, паліш мою душу» («Аннуса, сердечко, разжигает мою душу» и т. д.).

Продолжая в целом развиваться в контекстном поле западноевропейской балльной культуры в формате сформировавшихся в ее недрах структурно-смысловых парадигмальных инвариантов (церемониального, контаминированного и развлекательного), балльная практика Речи Посполитой отличалась ярким своеобразием, связанным с включением в танцевальную программу оригинальных народных образцов, которые, судя по названиям, были заимствованы шляхтой в их аутентичном виде и, видимо, либо вовсе не претерпели придворной трансформации, либо испытали ее в незначительной степени. Их исполнение придавало балльным мероприятиям белорусской знати черты яркой национальной самобытности. Исключение составляли балы при королевском дворе, полностью соответствовавшие европейским аналогам. Оставаясь неотъемлемой частью жизни монарха, магнатерии и богатой шляхты, балы служили ее украшением и необходимой составляющей, с одной стороны, внося разнообразие в

однообразную повседневность, с другой — помогая решать многие вопросы государственного и частного уровня.

В XVII столетии на балльную культуру Речи Посполитой начинает оказывать значительное влияние французский двор. Все более крепнущие связи с Францией на протяжении последующего, XVIII в., обусловили господство французской культуры в литовско-польском государстве, постепенно вытеснявшее из нее сарматизм и способствующее негативному восприятию сарматской идеологии со стороны нового поколения шляхты. Начиная со второй половины XVIII в., интересы представителей новой, прогрессивной шляхты постепенно смещались с театра военных действий, в котором по воле своих монархов продолжала участвовать изможденная и обессиленная бесконечными войнами XVII в. Речь Посполитая, в мирную сферу.

Безусловно, вышеперечисленные объективные факторы не могли не повлиять на онтологию бала в Речи Посполитой, что отразилось, во-первых, на уровне количественного увеличения балльных мероприятий во второй половине XVIII в., во-вторых, в усилении тенденции ко все большей демократизации балльной практики (жизнь вовлекает в свой театр развлечений людей разного происхождения и сословной принадлежности, что прекрасно соотносится с идеями Просвещения), и, в-третьих, в нивелировке своеобразных, «сарматских», черт белорусско-польских балов, способствующей их максимальной схожести со своими западноевропейскими (прежде всего, французскими) аналогами.

Помимо традиционных, в XVIII в. в Речи Посполитой продолжали устраиваться маскарадные балы. Как правило, их давали магнаты либо представители богатой шляхты. В Несвиже постоянно балы-маскарады организовывал Михаил Казимир Радзивилл (Рыбонька) [10].

Во второй половине XVIII в. балы стали излюбленным развлечением провинциального дворянства [11]. К концу

века в Речи Посполитой процесс распространения бальной культуры приобрел повсеместный характер. Балы устраиваются не только при дворах короля, магнатов и богатой шляхты, но также в усадьбах провинциального дворянства и мещанской среде. Активный процесс демократизации и камернизации бальной практики, а также сложная политическая ситуация, связанная с разделами Речи Посполитой, обусловили нивелировку национального своеобразия бальной культуры литовско-польского государства и ее дальнейшее развитие в ином контекстном поле. Нравы шляхетского сословия стали гораздо более изысканными и утонченными, его сарматское высокомерие было в значительной степени «отшлифовано» этикетными навыками, а национальные наряды на балах уступили место модным европейским костюмам и платьям.

В XIX в., после присоединения белорусских земель к Российской империи бальная культура бывшей части Речи Посполитой начинает развиваться в контексте бальной культуры российского государства, которая уже в годы правления Екатерины Великой (1762–1796) достигла своей кульминационной точки. В романтическом столетии балы становятся всеобщим достоянием, превращаясь в явление массовой культуры. В XIX в. бальная практика является излюбленным развлечением представителей различных слоев общества – от монарха до представителя пролетариата. Городская знать устраивала балы в рамках «Дворянских собраний», исправно внося за свое членство годовые взносы в количестве 10 рублей серебром [11]. Очагом распространения бальной культуры на белорусских землях в XIX в. становится российский императорский двор.

Представители родовитой белорусской аристократии устраивали традиционные и «маскированные» балы в своих домах. Описания балльных мероприятий, проводимых на белорусских землях, содержатся на страницах периодических изданий того времени (например, «Грод-

ненская газета», «Виленский вестник») и в воспоминаниях современников (в частности, виленской княгини, писательницы и мемуаристки Габриэллы Пузыни) [12].

В последние десятилетия XIX в. в различных регионах Российской империи повсеместно стали организовываться внесловные общедоступные клубы, членами которых могли быть лица всех сословий и национальностей. В этой связи в белорусских городах (Вильно, Гродно, Витебске, Слониме и др.) получила большое распространение деятельность созданного 1 июля 1897 г. попечительского общества народной трезвости, устраивавшего так называемые «народные балы».

С падением Российской монархии в 1918 г., вхождением территории Западной Белоруссии в состав Польши и образованием ССРБ в 1919 г. (а с 1922 г. – БССР в составе СССР) судьба бальной практики на белорусских землях коренным образом изменилась. Так, население западных территорий, претерпевавшее активный процесс полонизации, переживало пору культурного упадка. Жители БССР руководствовались советской идеологией, в соответствии с которой балы считались «пережитками царского режима». При этом малочисленные мероприятия, именовавшиеся в Советском государстве балами, были далеки от высокостатусного оригинала и скорее относились к разряду танцевальных вечеров.

С обретением в 1991 г. суверенитета в белорусском государстве, как и в Российской Федерации, начался процесс ренессанса бальной культуры. Среди различных форм, воскрешающих прекрасную традицию минувших столетий, выделяются Президентские балы (Новогодний, с участием лучших студентов вузов Беларуси, и Выпускной – для лучших выпускников республики) – уникальные мероприятия, не имеющие аналогов в современной мировой бальной практике.

Заключение. Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что своеобразие балов, организуемых на белорусских

землях, проявилось в: а) маркировке регионального начала во внешнем облике участников бального мероприятия (противопоставляемый европейской моде восточный, «сарматский», стиль бального наряда, доминировавший на балах местной знати вплоть до начала XIX в.) в танцевальной программе, включавшей в себя, наряду с модными западноевропейскими танцевальными композициями, белорусские народные образцы; б) допущении акторами вольностей в сфере этикета (что вступало в противоречие с западными этикетными нормами).

1. Бодунова, И. И. Европейский бальный танец в контексте белорусской культуры : дис. на соискание ученой степени кандидата культурологии : 24. 00. 01 «Теория и история культуры» / И. И. Бодунова. – Минск : 2015. – 220 л.
2. Бохан, Ю. М. Турнірныя традыцыі у Вялікім княстве Літоўскім у XIV – XVI стагоддзях / Ю. М. Бохан. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2008. – 76 с.
3. Хадька, Аляксей. Рыцарства, XVI стагоддзе / Аляксей Хадька // Спадчына. – 1991. – № 6. – С. 57–64.
4. Długosz, J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa Polskiego. Księga jedenasta 1413–1430 / J. Długosz. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 1985. – 367 s.
5. Długosz, J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa Polskiego. Księga dwunasta 1445–1461 / J. Długosz. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2009. – 469 s.
6. Długosz, J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa Polskiego. Księga dwunasta 1462–1480 / J. Długosz. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 2009. – 515 s.
7. Бохан, Ю. М. Побыт феодалаў Вялікага Княства Літоўскага ў XV–XVII стст. / Ю. М. Бохан, А. А. Скеп'ян. – Мінск : Беларусь, 2011. – 264 с.
8. Скеп'ян, Настасся. Касцюміраваныя забавы ў ВКЛ у XVI–XVII стагоддзях / Настасся Скеп'ян // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – Вып. 6 (155), чэрвень. – С. 25–32.
9. Сасноўскі, З. Музычная культура рыцарскага саслоўя Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага / Зміцер Сасноўскі. – Мінск : Кнігазбор, 2010. – 133 с.
10. Радзівіл, Міхал Казімер. Дыярышош Князя Міхала Казімера Радзівіла, Ваяводы Віленскага, Гетмана Вялікага Княства Літовскага [Электронны рэсурс] / Міхал Казімер Радзівіл // Спадчына. – 1995. – № 1. – С. 52–65. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/_memoirs/005_m/Дыярышош_князя_Міхала_Казімера_Радзівіла.html. – Дата доступа: 13.06.2021.
11. Беларусь : калектыўная манаграфія / В. Ф. Бацяеў, В. М. Бялявіна, А. У. Гурко [і інш.] ; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. – Мінск : Бел. навука, 2002. – Т. 6. Грамадскія традыцыі. – 606 с.
12. Puzyna, G. W Wilnie i dworach litewskich. Pamiętnik z lat 1815–1843 / Puzyna, G. – Kraków, 1990. – S. 211-212.

Статья поступила в редакцию 09.06.2022